

Л.И. ЯКОБСОН

“Школа демократии”: формирование “гражданских добродетелей”*

В статье анализируется такой фактор российского демократического транзита, как современное состояние гражданского общества. Особое внимание уделено тому, как на процессы становления гражданского общества влияют НКО. Приводятся данные специальных исследований, свидетельствующих, что НКО – “школа обучения демократии” для участвующих в их деятельности.

Ключевые слова: гражданское общество, гражданская позиция, демократия, НКО, общественная деятельность, самоорганизация.

The article analyzes the factor of Russia’s democratic transition as reflection of current state of civil society. Particular attention is paid to influence on the processes of formation of civil society of NCO-s. The data of special studies showing that NCO-s are “training school of democracy” for participating in their activities is given.

Keywords: civil society, citizenship, democracy, NCO-s, social activities, self-organization.

Сладим ли с разнообразием?

Значимость социокультурных факторов демократического транзита привлекает пристальное внимание отечественных авторов (см. например, [Урнов, 2011; Ясин... 2013]). Это объяснимо в свете как интеллектуальной традиции, идущей еще от “Вех”, так и опыта российских революций 1917 и 1991 гг., равно как, например, иранской революции 1979 г. и “арабской весны”. Не менее убедителен, хотя не столь драматичен, опыт стран Центральной и Восточной Европы. В последние годы его исследователи все чаще обращают внимание на то, что едва ли не безупречные процедуры политической конкуренции на деле не обеспечивают того, что они называют “полнотой” демократии [Rose-Ackerman, 2005]¹, ее качеством [Roberts, 2010]) или “пригодностью к использованию” [Green, 2011]. Исследования, подобные названным, особенно интересны, как минимум, в двух отношениях. Во-первых, в них речь идет об обществах, в целом более продвинувшихся по пути модернизации, чем российское, и при этом

* Статья подготовлена на основе данных, полученных в рамках мониторинга состояния гражданского общества, который ведется Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ–ВШЭ при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ–ВШЭ. Краткая первоначальная версия докладывалась на XIV Апрельской международной научной конференции “Модернизация экономики и общества” (2013 г.). Автор благодарен И. Мерсияновой, Е. Коноваловой и И. Корнеевой за помощь в сборе и обработке использованной в статье информации.

¹ Примечательно название этой книги: “От выборов к демократии...”.

интегрированных в “новую общность” ЕС. Коль скоро этого недостаточно для полноценной реализации потенциала демократических процедур, для нашего общества еще более важно сочетать заботу о процедурной стороне демократии с заботой о ее “полноте”. Во-вторых, логика исследования в названных работах закономерно ведет к оценкам состояния *гражданского общества*.

В принципе, в этом нет ничего неожиданного. Качество демократических процедур предполагает сильное и здоровое гражданское общество (см., например, [Dahl, 2000]). Эта мысль почти непременно присутствует в работах о демократизации. Однако для большинства авторов состояние гражданского общества – скорее фон проводимого анализа, чем нечто поддающееся целенаправленному воздействию и в свою очередь способное динамически воздействовать на другие составляющие демократизации². Между тем уже полтора века назад А. де Токвиль привлек внимание к двусторонней связи между демократией и развитием *гражданских объединений*, в том числе неполитических [Токвиль, 2000, с. 378–386]. Его последователи значительно продвинулись в изучении этой связи³. Широко признается, что “объединения работают как школы демократии и их развитие следует поощрять ради позитивных последствий для демократии в целом” [Morales, 2002, р. 498]. Последствия, о которых идет речь, связываются с вкладом ассоциаций в формирование таких “гражданских добродетелей”, как доверие, толерантность, склонность к сотрудничеству и альтруизм, разумеется, в сочетании с умением отстаивать и реализовывать свои и чужие права [Vazquez-García, 2009]. Гражданственность (*civiness*) в данном понимании неотделима от цивилизованности (*civility*), в которой, в свою очередь, акцентируется способность “ладить с разнообразием” в качестве “условия политической демократии и демократической культуры” [Dekker, 2009, р. 222–223]. В этом контексте распространены и позитивный характер ассоциаций предстают “столь же ключевыми чертами демократии, как конкурентные выборы” [Wagren, 2011, р. 348].

“Ладить с разнообразием”, разумеется, следует не преодолевая его, а принимая различия как данность, причем позитивную. Принципиально важно восприятие *перманентной* политической конкуренции и постоянного *обновления* репрезентируемых в ней интересов и идей в качестве неперенных условий динамической адаптации общества к историческим возможностям и вызовам. Это предполагает отказ от поисков рецепта всеобщего счастья и, соответственно, трезвое, критическое и вместе с тем толерантное отношение к самым разным идеям, программам и лидерам. Конкуренция в любой сфере жизнеспособна, лишь когда ее участники принимают как должное несовпадение интересов и ориентированы на поиск компромиссов.

Между тем эмпирические исследования демонстрируют, что у россиян по сравнению с другими европейцами “крайне слабо выражены надличностные ценности, связанные с заботой о благополучии других людей, о равноправии и терпимом отношении к ним, а также с заботой об окружающей среде, и наоборот, крайне высока значимость противостоящих им эгоистических ценностей” [Магун, Руднев, 2010^a, с. 21]. “Симптомы авторитарного синдрома (в терминологии Т. Адорно. – Л.Я.) легко выявляются в том числе у современных россиян” [Касамара, Сорокина, 2011, с. 19]. В итоге “в нашей стране господствует политическая культура самодержавия”, предполагающая персонализацию власти [Пивоваров, 2006, с. 17].

Очевидно, никакое изменение процедур формирования и функционирования власти неспособно непосредственно и быстро породить зрелую гражданскую культуру, которая во многом определяет реальное качество и устойчивость демократии. Последняя благоприятствует распространению “гражданских добродетелей”, но становление демократии зависит от предварительно накопленного “запаса” гражданской культуры [Внук-Липинский, 2012, с. 262–264]. При его дефиците за свободными и честными

² Типичны, например, работы [McFaul, 2004], в которых данной теме отведена дань, но несопоставимо конкретнее говорится, в частности, о роли иностранной помощи.

³ Прежде всего в этой связи следует назвать [Патнэм, 1996].

выборами многократно следовали вспышки насилия и установление репрессивных режимов. Формирование “запаса” – процесс заведомо многофакторный и вряд ли поддающийся форсированию. Логично, однако, предположить, что его темп хотя бы в некоторой степени зависит от усилий по развитию гражданского общества. Ведь “обучение демократии” подразумевает не столько рассказы о ее достоинствах, сколько *освоение демократических практик*. В данной связи естественно вспоминаются уроки вековой давности: “Вне идеи воспитания в политике есть только две возможности: деспотизм или охлократия” [Струве, 1991^а, с. 161], тогда как “всякое подлинное воспитание (и самовоспитание) – не только подготовка к жизни, а и сама жизнь и жизнедеятельность” [Струве, 1991^б, с. 475]. В реально существующих условиях коллективная демократическая жизнедеятельность возможна главным образом на *площадках самоорганизации*. С этой точки зрения перспективны попытки анализировать связи между участием в самоорганизации и гражданской культурой.

Мы попытались приблизиться к оценке роли и состояния “школ демократии” в современной России. Использованы главным образом материалы Мониторинга российского гражданского общества, который с 2006 г. проводится под моим руководством в НИУ–ВШЭ в сотрудничестве с рядом социологических центров. Описание его методологии дано в [Факторы... 2008]. В тех случаях, когда не оговаривается иное, я привожу данные трех опросов. Первый из них, называемый ниже Опрос 1, был проведен в 2011 г. и представлял собой репрезентативный опрос взрослого (18 лет и старше) населения России по выборке в 33 200 респондентов. Полевой этап выполнен Фондом “Общественное мнение” (ФОМ) по методологии “Георейтинг”. Опрос 2 – Всероссийский репрезентативный опрос взрослого населения (объем выборки – 2000 респондентов) – проводился в 2012 г. по другой анкете. Полевой этап также выполнен ФОМом. В том же году состоялся Опрос 3, респондентами которого явились руководители 1005 НКО. В этом случае использовалась выборка, разработанная таким образом, чтобы отразить многообразие форм организаций, их возраста, типов населенных пунктов, в которых они расположены, а также уровня урбанизации и экономического развития соответствующих регионов. Полевой этап выполнен ООО “MarketUp”. Программы и инструментарий этих опросов разработаны нами совместно с И. Мерсияновой.

Использование вовлеченности в НКО в качестве индикатора причастности к “школам демократии”, разумеется, уязвимо. Роль “школы”, в принципе, способны играть незарегистрированные гражданские группы при условии их устойчивости. В то же время, эта роль не в равной мере выполняется НКО, различающимися направлениями деятельности. Существенны также различия между НКО, открытыми для представителей разных этносов, конфессий, политических взглядов и т.д., и теми, которые объединяют “своих” в противостоянии “чужим”⁴. Социализирующее воздействие участия в НКО зависит от его интенсивности и характера взаимоотношений между участниками. Так, сугубо формальное членство в массовой общественной организации вряд ли оказывает влияние на личность.

Впрочем, опора на социологическую информацию, а не официальную статистику, имеет специфическое преимущество: формальное членство слабо отражается в опросах. Например, доля респондентов, упоминавших о своем членстве в профсоюзе, существенно меньше той доли членов профсоюзов во взрослом населении, которая соответствует их регистрируемой численности. Поскольку статья построена на данных опросов, феномен сугубо формального членства, по сути, остается за ее рамками. Опирирая термино “участники НКО”, мы фактически подразумеваем тех, чья *причастность* к организации и *самоидентификация* с ней в той или иной мере *реальны*. Конечно, мера эта различна, но в настоящее время нет возможности учесть эти различия.

⁴ Здесь затронута широко представленная в литературе тема различий между “открытым” (*bridging*) и “закрытым” (*bonding*) социальным капиталом. “Обучение демократии” связано преимущественно с накоплением первого.

Дифференцированная оценка ситуаций, в которых проявляется феномен “школы демократии”, несомненно, желательна. Однако для этого требуется несопоставимо больше эмпирических данных, по сравнению с тем, что доступно в настоящее время. В силу нынешней сравнительно невысокой вовлеченности российского населения в НКО даже в массовом Опросе 1 в числе респондентов оказались лишь 947 участников таких организаций. Этого достаточно для сравнения участников НКО с теми, кто в них не участвует, но не для дифференцированного анализа, который отражал бы различия как между НКО, так и вариантами участия в них. Однако ниже показано, что даже если условно рассматривать совокупность НКО в качестве более или менее однородной, причастности к ним соответствуют довольно отчетливо выраженные особенности гражданской культуры. Если же впоследствии удастся выделить в рассматриваемой совокупности наиболее эффективные “школы демократии”, эффект опережения, по-видимому, окажется еще большим.

Есть ли надобность в “обучении демократии”?

Едва ли не единственное, что совпадает в ключевых документах власти, системной и несистемной оппозиции, – это, во-первых, тезис о стремлении к демократии и, во-вторых, констатация *незавершенности* пути к ней (см., например, [Путин, 2012]). Расхождения относятся больше к оценкам нынешнего состояния и программам ближайших действий, чем к трактовкам цели, для которых типична некоторая абстрактность, оставляющая простор для вариативного наполнения. Это позволяет откликаться на разнообразные представления, бытующие в обществе.

Так, по данным Левада-Центра, 28% россиян хотели бы видеть в стране “демократию западного типа”, тогда как 27% предпочитают “советскую демократию, которая существовала до 1990-х годов”, 20% одобряют нынешнюю систему, 8% хотели бы чего-то, не похожего ни на один из упомянутых вариантов, а 17% респондентов затруднились дать ответ (<http://www.levada.ru/17-02-2012>). В другом недавнем опросе Левада-Центра на вопрос, что означает слово “демократия”, 47% респондентов назвали свободу слова, печати, вероисповедания, по 24% – “экономическое процветание” и “порядок и стабильность”, 20% – “строгую законность”, 18% – “выборность всех государственных органов”, по 10% опрошенных выбрали ответы “возможность для каждого делать все, что он захочет” и “демократия – это пустая болтовня”, а по 6% – “подчинение меньшинства большинству” и “гарантии прав меньшинств”. При этом 8% респондентов сочли, что демократия уже установилась в России, 40% – что она сложилась частично, 31% – что она пока не утвердилась, и 14% – что ее становится все меньше (<http://www.levada.ru/19-03-2012>).

Такой разброс мнений напоминает об ироническом сравнении демократии с алтарем, куда каждый приносит то, что ему лично наиболее дорого [Przevorski, 1999]. Внимание, однако, привлекает явная неготовность поддерживать общественное согласие на основе лишь процедурного понимания демократии как сменяемости власти посредством конкурентных выборов. Это отражает отношение россиян к сравнительной ценности политических и социальных прав. В Опросе 2 нами задавались, в том числе, вопросы о том, какие права для респондентов наиболее важны и какими они безусловно обладают (допускался выбор нескольких вариантов ответа). Наиболее важными были признаны права на бесплатную медицинскую помощь (56%), на труд, на жизнь, на бесплатное образование, на социальное обеспечение в старости, на владение собственностью (по 42–48%). По контрасту право на выражение собственного мнения включили в число приоритетов 17% опрошенных, право на участие в управлении обществом – 5%, право на создание независимых ассоциаций – 3%, на свободу манифестаций – 1%. В то же время, те права, которые выше ценятся, воспринимаются в качестве относительно более доступных, хотя их защищенность видится также недостаточной. Например, надежную обеспеченность своего права на труд признают 53% опрошенных, права на владение собственностью – 49%, на бесплатную медицинскую

помощь – 32%, тогда как в отношении права на участие в управлении обществом такое мнение высказали только 12% респондентов, а прав на создание независимых ассоциаций и на свободное проведение манифестаций – по 6%.

Приведенные данные демонстрируют, с одной стороны, неудовлетворенность граждан степенью фактической реализации их законных прав, а с другой – приоритеты, определяющие претензии к власти. Они не уникальны для России. Анализ, проведенный на материале ряда стран, показал, что люди определяют свое отношение к демократическим институтам, исходя главным образом из своих *экономических интересов* [Huber, Rueschemeyer, Stephens, 1993]. Даже если верно, что “в своем исходном пункте демократия была проектом, не затрагивавшим экономическое неравенство” [Przevorski... 2010, p. 85], сегодня проект в таком виде мало где способен обеспечивать долговременную массовую поддержку. Принципиально важен доступ к ресурсам, позволяющим не просто иметь права, но и реализовывать их на практике [Holmes, Sunstein, 1999].

Уместно напомнить, что в качестве преимуществ процедурного понимания демократии его автор выдвигал главным образом универсальность, простоту и наблюдаемость ключевых признаков [Шумпетер, 1995, гл. XXII]. Такие черты сделали возможными количественные исследования, что предопределило популярность этой трактовки в академических кругах, и вместе с тем, они оказались адекватными доминировавшей во второй половине XX в. повестке создания широких коалиций для устранения автократий во “втором” и “третьем” мирах. Однако данных черт недостаточно, когда в исследовательской повестке на первый план выдвигается *качество демократии*, а в практической – ее *устойчивость, адаптивность и способность к развитию*, в том числе, например, своего рода взросление восточноевропейских демократий, мирный и необратимый характер трансформации гибридных режимов, и т.п.

Широкие коалиции, базирующиеся исключительно на идее свободных выборов, неизбежно распадались после прорыва к ним. Дальнейшее развитие событий зависело главным образом от способности использовать демократические процедуры не столько в роли самодостаточных правил игры с нулевой суммой, сколько в качестве *инструментов согласования интересов и поиска компромиссов*, предотвращающих придание конкуренции разрушительного характера и позволяющих объединять усилия ради приумножения благосостояния общества. Между тем, с учетом сказанного выше о культуре, пока характерной для нашей страны, проблематично даже возникновение сколь-нибудь широкой, устойчивой и эффективной коалиции вокруг идеи выборов. Эмпирическое подтверждение этому дал, в частности, опыт формирования и функционирования Координационного совета оппозиции в 2012–2013 гг.

В то же время, не считая политические права приоритетными, российские граждане не безразличны к этой части “демократического пакета”, интуитивно воспринимая его *целостность*. В данной связи, в принципе, возможна консолидация вокруг целостного “пакета демократии”. Однако для этого требуется достаточно развитая способность к диалогу и компромиссам, поскольку нет оснований надеяться на беспрецедентный консенсус в отношении содержания “пакета”. Причина в явном несовпадении устремлений тех групп, которые составляют российское общество. Зачастую они радикально не схожи по объективным интересам, уровню и образу жизни, доминирующим культурным образцам и политическим предпочтениям. При несомненной плодотворности попыток структурирования различий (см., например, [Зубаревич, 2012; Магун, Руднев, 2010^б; Тихонова, 2012^а; 2012^б]) приходится признать, что, во всяком случае, представления о справедливости, присутствующие в сфере массового сознания, с трудом складываются в содержательные констелляции [Урнов, 2012]. Между тем именно эти представления наиболее концентрировано характеризуют устремления российских граждан, и именно апелляции к справедливости наиболее перспективны с точки зрения политической мобилизации.

Разнонаправленность устремлений сочетается не только с их нередкой *оторванностью от реальных возможностей*, внутренней противоречивостью и неустойчиво-

стью, но также с широко распространенным *ощущением предстоящих трудностей и конфликтов*. По данным Опроса 2, лишь 12% респондентов ожидают в ближайшие 5–10 лет устойчивого экономического роста на фоне политической стабильности, 26% надеются на переход к более эффективному развитию через успешно преодолеваемые кризисы, 28% прогнозируют тот или иной вариант застоя, а 10% – череду потрясений. Несколько иные, но не более оптимистичные настроения выявились в опросе, респондентами которого выступали депутаты Федерального Собрания, довольно высокопоставленные чиновники и руководители крупных предприятий (всего 300 человек). Этот опрос проводился нами в 2011 г. совместно с социологическим центром “Vox populi”. Половина опрошенных сочла наиболее вероятным “переход к более эффективному развитию через острые, но успешно преодолеваемые кризисы”, тогда как устойчивого роста и стабильности ожидали лишь 4%. 18% прогнозировали “экономический застой при социальной и политической нестабильности”, 12% – “застой во всех сферах – экономической, политической и социальной”, а 10% – “череду потрясений, из которых не удастся выйти без серьезных потерь”.

Кризисы плодотворны, если разрешаются мирно и конструктивно. Однако “никогда еще... в российском обществе не было такого потенциала агрессии, как в настоящее время”, причем по нарастающей идет “процесс деконсолидации... общества и распад традиционно характерных для него интеграторов. При этом более 40% взрослых россиян все еще отдают приоритет справедливости перед законом” [Горшков, Тихонова, 2013, с. 23, 34–35, 51].

Недостаток уважения к праву и широко распространенная агрессивность в сочетании с фрагментацией общества и глубокими различиями в понимании справедливости делают вероятной нетерпимость проигравших к итогам даже безупречно проводимых выборов. Разумеется, это не умаляет значимости усилий, направленных на обеспечение юридической чистоты политической конкуренции, равного доступа ее участников к СМИ, устранение любых форм давления на избирателей и т.п. Вместе с тем соблюдение названных условий, несомненно необходимых для последовательной демократизации, может оказаться недостаточным для ее необратимости. В подобных обстоятельствах трудно переоценить даже скромные возможности воспитания “гражданских добродетелей”, о которых шла речь выше.

Перспективно ли “обучение”?

На зарубежном материале связи между участием в НКО и гражданскими качествами анализировались в ряде работ (см. например, [Armony, 2004; Tusalem, 2007; Uhlin, 2009]). В целом они подтверждают значимость “школы демократии”. В то же время, в литературе представлены критические оценки рассматриваемого подхода и полученных результатов (см. например, [Stolle, 2003, p. 21; Van Ingen, Kalmijn, 2010, p. 493–495]). Если оставить в стороне упомянутую выше тему разнообразия НКО и вариантов участия в них, основные претензии критиков относятся к разграничению эффектов вовлеченности в эти организации с действием других механизмов гражданской социализации, а также с исходными различиями между индивидами, склонными и не склонными участвовать в гражданских организациях. Склонность в данном случае несомненно коррелирует с исходным наличием “гражданских добродетелей” (так называемый эффект самоотбора), в силу чего для вполне надежной идентификации эффекта “обучения” требуются лонгитюдные исследования. Не располагая такими исследованиями, имеет смысл на качественном уровне соотнести проблему разграничения эффектов с особенностями современной российской ситуации.

Скепсис ряда авторов в отношении “обучающего” эффекта вовлеченности в третий сектор обусловлен двумя разными причинами: высокой оценкой конкурентов НКО на площадке “обучения демократии” и акцентировкой значимости самоотбора. Тезис о решающей роли последнего, по сути, предполагает, что общество разделено на тех, кто особо не нуждается в “обучении”, и тех, кто к нему решительно не склонен или

не очень способны. Конкурентами же НКО признаются главным образом демократически организованные структуры местного самоуправления, тесно связанные с общественной деятельностью государственные учреждения (например, университеты), и т.п. Особое внимание уделяется “гибридам”, возникающим в результате разрушения границ между гражданским обществом и государством. Приводимые в этой связи факты и аргументы действительно убеждают, что, например, в Западной Европе третий сектор не обладает монополией на воспитание “гражданских добродетелей”, а подчас и уступает в данном отношении своим конкурентам из сферы публичной политики и государственного сектора (см., например, [Dekker, 2009; Evers, 2009]).

Очевидно, однако, что подобные аргументы опираются на реалии стран, для которых демократический транзит давно утратил актуальность. Разумеется, по мере его развертывания опыт проведения выборов, укрепление местного самоуправления, внедрение элементов открытого правительства и т.п. играют все более ощутимую роль в приобщении граждан к демократии. Однако пока транзит не завершен, основным локомотивом перемен способно выступать лишь гражданское общество. Вместе с тем в этот период его собственные структуры зачастую обнаруживают незрелость с точки зрения “гражданских добродетелей”, что осложняет “обучение демократии” (к точному тезису предстоит вернуться в заключительном разделе статьи). Как бы то ни было, тема альтернативных по отношению к третьему сектору субъектов такого обучения не выглядит принципиально значимой применительно к странам, где демократия находится в процессе становления.

То же, хотя и в меньшей степени, относится к теме самоотбора. Условно проведем параллель между “обучением демократии” и обычным школьным образованием, уместно отметить, что при неразвитости школьной сети неграмотность далеко не всегда свидетельствует о нежелании или неспособности учиться. В странах зрелой демократии вряд ли существует значительный *резерв* приобщения к “школам демократии”, поскольку в играющий эту роль публичный сектор так или иначе вовлечены все граждане, а в разнообразных НКО участвуют практически все, кто испытывают такое желание. В то же время, для стран, подобных России, роль активиста третьего сектора все еще *инновационна*. Применительно к странам, находящимся в процессе демократического транзита, участников НКО уместно рассматривать в качестве *опережающей* группы. В данном случае имеются в виду группы, которые при наличии тех или иных условий способны быстро расти, причем вовлечение в них заметно влияет на образ жизни и отчасти – на образ мыслей индивида.

Опираясь на эмпирические данные, Мерсиянова показала, что при сравнительно небольшой вовлеченности российских граждан в НКО к близкому резерву (“сателлиту ядра” гражданского общества) относятся 27% россиян [Мерсиянова, 2009]. По данным Опроса 2, 82% граждан хотели бы, чтобы НКО наряду с государственными структурами участвовали в решении социальных задач. То, что подобные предпочтения пока далеки от реализации, объясняется целым рядом причин, от весьма противоречивой политики государства в отношении третьего сектора до недобросовестности части НКО. Помимо прочего, сказывается недостаток информации об этих организациях, не говоря уже о том, что пока они ощутимо присутствуют далеко не на всей территории страны [Мерсиянова, Корнеева, 2011]. На данном этапе развития сектора сами его масштабы и слабая ресурсная обеспеченность ограничивают способность вовлекать новых участников.

С учетом сказанного, индивидуальные склонности – не единственный и зачастую не главный фактор выбора между участием и неучастием в российских НКО. Значительная часть россиян как бы “стоят в дверях” третьего сектора, не решаясь или не имея возможности в них войти. Между тем, в социальной психологии хорошо изучен феномен “нога-в-дверях”: если “втянуть” человека в некую общественную практику, пусть даже на первых порах участие в ней окажется маргинальным, имеются немалые шансы на интенсивное *усвоение установок*, соответствующих этой практике. Характерно, что «исследователи подтверждают связь феномена “нога-в-дверях” с альтруистическим поведением» [Майерс, 2013, с. 173]. Усвоение происходит особенно эффек-

тивно, когда новая для индивида практика воспринимается не обособленно от других индивидов, а посредством вхождения в группу, для которой формируемые установки являются *нормами*, поддерживаемыми соответствующими механизмами (см., например, [Майерс, 2013, с. 242–285]).

Коль скоро многие российские граждане находятся “в преддверии” третьего сектора, улучшение условий его развития с большой вероятностью привело бы к многократному увеличению численности участников НКО. Если же последние составляют опережающую группу с точки зрения “гражданских добродетелей”, можно ожидать ошутимого восполнения их дефицита, что критически значимо для будущего страны.

Опережающая группа

Важное место среди “гражданских добродетелей” занимает так называемое *обобщенное доверие*, то есть уровень доверия к незнакомым людям. В массовом Опросе 2 лишь 17% респондентов сочли, что возможно доверять большинству людей. Однако для той части респондентов Опроса 2, которую составили участники НКО, значение этого показателя в 1,5 раз выше (25%). А по данным Опроса 3, для лидеров НКО его значение составило 53%. Установки лидеров демонстрируют вероятное направление эволюции установок “ведомых” участников НКО, тогда как они, в свою очередь, заметно опережают в рассматриваемом отношении аутсайдеров. Следовательно, есть основания надеяться на рост среднего уровня обобщенного доверия при переходе части аутсайдеров в опережающую группу.

На растущей периферии группы свойственные ей установки могут проявляться не столь отчетливо, как в ее первоначальном ядре. Поэтому было бы опрометчиво утверждать, что, например, при быстром двукратном росте численности участников НКО уровень обобщенного доверия в этой группе будет по-прежнему составлять в среднем 25%. Он может быть несколько ниже или, напротив, выше, в частности, за счет усиления влияния лидеров. Все зависит от того, кто, за какое время и каким образом пополнит опережающую группу. Кроме того, существенны не рассматриваемые здесь иные факторы, влияющие на обобщенное доверие. Однако два момента, акцентированных в предыдущем параграфе (наличие многомиллионного резерва и доказанное наличие эффекта “нога-в-дверях”), позволяют достаточно уверенно ожидать, что *тенденции* развития третьего сектора будет корреспондировать *тенденция* к росту уровня обобщенного доверия. То же относится к другим составляющим “гражданских добродетелей”, о которых говорится ниже.

В таблице 1 представлены данные об участии граждан в ряде практик, имеющих отношение к “гражданским добродетелям”. Эти данные убеждают, что участники и лидеры НКО гораздо чаще других граждан проявляют действенный альтруизм и готовность к повседневной конструктивной самоорганизации. Две последние строки таблицы позволяют судить о том, насколько граждане активны в реализации собственных и чужих прав. Речь в данном случае идет главным образом не о специализированных правозащитных организациях, которых относительно немного, и не о политической борьбе за соблюдение и расширение гражданских прав. При всей значимости того и другого существенно также использование возможностей, которые, в принципе, доступны. Известно, что в нашей стране гражданин нередко испытывает затруднения в реализации своих законных прав, в том числе когда для этого отсутствуют препятствия политического либо ресурсного характера. Причины связаны с инертностью, неэффективностью и коррумпированностью многих государственных органов и учреждений. В подобных случаях многое зависит от организованности, настойчивости, готовности идти на конфликт и т.п. С учетом этого объяснимы данные, приведенные в таблице 2. Они свидетельствуют, что участники НКО чаще других воспринимают себя в качестве реальных обладателей прав. На первый взгляд, налицо повышенный конформизм людей, вовлеченных в третий сектор. Однако в действительности тут мы имеем дело с активным отношением к провозглашенным правам, приносящим пусть не идеальные, но ошутимые результаты.

Участие граждан в коллективных акциях (в %)

Для респондентов, которые, по их словам, в течение последнего года:	Среди не участвующих в НКО (Опрос 2)	Среди участников НКО (Опрос 2)	Среди лидеров НКО (Опрос 3)
участвовали в коллективных акциях помощи людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию	5	21	37
участвовали в субботниках, мероприятиях по благоустройству подъезда, двора, города	27	53	45
участвовали в собраниях соседей по вопросам управления многоквартирным домом	18	35	31
организовывали коллективные действия для решения своей или чужой проблемы	5	15	35
направляли письменные запросы в органы власти	6	16	32

Как отмечалось выше, применительно к современной России роль самоотбора в формировании различий между участниками НКО и другими гражданами, по-видимому, ограничена. Тем не менее естественно попытаться в доступной мере разграничить влияние участия в НКО с действием других факторов, сказывающихся на развитии “гражданских добродетелей”. При отсутствии информации непосредственно об индивидуальных склонностях во внимание могут приниматься индикаторы пола, возраста, образования и дохода.

В самом деле, при прочих равных условиях, женщины участвуют в НКО несколько чаще мужчин, относительно более образованные – чаще менее образованных и т.д. Поэтому для более корректной оценки социализирующего влияния НКО целесообразно элиминировать эффекты названных факторов. Для этого были построены уравнения логистической регрессии, в которых зависимыми переменными являлись вероятности проявления тех или иных свойств или участия в тех или иных гражданских практиках, соответственно, а независимыми – индикаторы этих факторов, а также дихотомическая переменная “участие/неучастие” в НКО (см. табл. 3; источник данных – опросы 1 и 2)⁵.

Таблица 2

Представления о своих правах (в %)

Доля респондентов, считающих несомненным свое право на:	Участники НКО	Не участвующие в НКО
бесплатную медицинскую помощь	64	56
труд	54	48
социальное обеспечение в старости	46	45
частную собственность	44	41
участие в управлении государством, реальной возможностью избирать своих представителей	8	5

⁵ Значения $\text{Exp}(B)$ в этой таблице характеризуют соотношение шансов участвовать в рассматриваемых практиках для представителей разных групп. Если $\text{Exp}(B) < 1$, то шансы для соответствующей группы ниже, чем для группы, принятой в модели в качестве так называемой референтной (их названия в таблице выделены курсивом). Если же $\text{Exp}(B) > 1$, то для группы, к которой относится коэффициент, шансы выше, чем для референтной. Например, в левой верхней части таблицы видно, что в качестве референтной для категории “пол” была выбрана группа “женщины”, а коэффициент 0,743 в модели 1 показывает, что шансы встретить среди мужчин человека, имеющего опыт организации коллектива для решения своей или чужой проблемы, заметно ниже, чем среди женщин.

Расчеты показали, что в отношении каждого из свойств и гражданских практик, фигурирующих в таблицах 1 и 2, эффект вовлеченности в НКО оказался намного более выраженным, чем эффекты других учитываемых факторов⁶. Например, шансы на то, что участнику НКО доводилось организовывать коллектив для решения своей или чужой проблемы, в 7,4 раза выше, чем для тех, кто не вовлечен в третий сектор. Из таблицы 3 видно, что шанс быть причастным к данной практике возрастает также при переходе от групп с относительно низкими образованием и доходом к группам более образованных и вышеоплачиваемых людей. Однако сравнение численных значений коэффициентов, приведенных в этой таблице, убеждает, что ключевую роль играет именно фактор участия/неучастия в НКО. Это дает основания надеяться, что содействие росту третьего сектора, поддержка разнообразных НКО и участие в их деятельности, снижение барьеров, препятствующих их развитию, формирование позитивного отношения к некоммерческим организациям и т.п. способны реально повлиять на трансформацию политической культуры, особенности которой в XX в. во многом мешали демократизации российского государства.

Качество “учительского корпуса”

Хотя российский третий сектор относительно невелик, составляющие его НКО весьма разнообразны. Вместе с тем, как видно из данных Опроса 3, наиболее типичные из них *малы* и *экономически слабы*. 36% опрошенных организаций не имеют постоянных оплачиваемых сотрудников, 34% располагают 1–5 сотрудниками, 13% – по 6–10 сотрудников и т.д. 13% респондентов этого опроса заявили, что недостаток средств грозит закрытием организации, 9% – что приходится отдавать слишком много сил поиску средств, пренебрегая основными задачами, а 4% – что из-за недостатка средств нет возможности привлечь сотрудников должной квалификации. Типичная организация третьего сектора имеет недолгую историю, что в сочетании с малым размером определяет решающую роль личных отношений между участниками. Эти организации чаще складываются вокруг харизматичных лидеров, под руководством которых напряженно борются за выживание и развитие. В подобных условиях повседневная жизнь многих НКО воспроизводит такие распространенные в обществе черты, как приоритет неформальных норм перед формальными, склонность к персонализации власти и жесткому делению на “своих” и “чужих”. Иногда к этому добавляется и недостаточная разборчивость в средствах ради сохранения организации и достижения ее, как правило, благородных целей.

В небольшой организации, имеющей бесспорного лидера, *внутренняя демократия* зачастую не развита. В проведенном в 2010 г. обследовании НКО⁷ их руководители отвечали и на вопрос о том, часто ли руководящие органы организаций принимают решения, расходящиеся с их позицией. Только 6,4% сказали, что это бывает часто, 14,4% – не часто, 22% – редко, 44,3% – никогда (остальные затруднились ответить). Задавался также вопрос о том, кто устанавливает размеры оплаты высшим должностным лицам компаний (СЕО). 23% парадоксальным образом затруднились ответить, 12% сказали, что устанавливают их сами, 11% сослались на исполнительные органы (дирекции), которые они возглавляют, и лишь 18% указали, что размер оплаты определяют постоянно действующие коллегиальные органы (советы, правления). Впрочем, в нашей стране оплачиваемые руководители организации, как правило, входят в состав таких органов и нередко их возглавляют. Только 12% охваченных названным опросом НКО публикуют финансовые отчеты о своей деятельности, а более половины организаций не имеют интернет-сайта.

⁶ Это относится не только к практикам, фигурирующим в таблице 3, но и к остальным, не представленным в данной таблице, чтобы избежать ее чрезмерного объема.

⁷ Опрос проведен в 33 субъектах Российской Федерации ООО “MarketUp” по программе, разработанной Мерсияновой и Яковсоном. Респондентами были руководители 1015 НКО.

Результаты бинарной логистической регрессии: модели вовлеченности россиян в общественно-политическую деятельность (N = 26359)

	Модель 1		Модель 2		Модель 3		Модель 4	
	B (S.E.)	Exp (B)						
Пол								
Женщины								
Мужчины	-0,297 (0,065)**	0,743	-0,594 (0,072)**	0,552	-0,318 (0,062)**	0,727	-0,234 (0,057)**	0,791
Возраст								
Возраст	-0,007 (0,002)**	0,993	0,012 (0,002)**	1,012	-0,002 (0,002)	0,998	0,012 (0,002)**	1,012
Образование								
<i>Высшее</i>								
Неполное среднее или ниже	-1,528 (0,219)**	0,217	-1,425 (0,186)**	0,241	-1,043 (0,160)**	0,353	-1,487 (0,152)**	0,226
Среднее общее	-0,620 (0,094)**	0,538	-0,725 (0,102)**	0,484	-0,644 (0,091)**	0,525	-0,896 (0,084)**	0,408
Начальное профессиональное	-0,640 (0,153)**	0,528	-0,449 (0,154)**	0,638	-0,536 (0,141)**	0,585	-0,546 (0,124)**	0,579
Среднее специальное	-0,371 (0,076)**	0,690	-0,276 (0,079)**	0,759	-0,238 (0,072)**	0,788	-0,438 (0,065)**	0,645
Неполное высшее	0,394 (0,140)**	1,483	-0,025 (0,188)	0,976	-0,069 (0,161)	0,933	-0,230 (0,158)	0,795
Доход								
<i>7000 руб. и менее</i>								
7001–10000 руб.	0,006 (0,098)	1,006	0,147 (0,095)	1,159	0,035 (0,087)	1,036	-0,020 (0,082)	0,980
10 001–15 000 руб.	0,169 (0,097)	1,184	0,184 (0,099)	1,201	0,114 (0,088)	1,121	0,094 (0,084)	1,099
15 000–20 000 руб.	0,368 (0,109)**	1,445	0,156 (0,123)	1,168	0,252 (0,102)*	1,287	0,432 (0,094)**	1,540
20 001 руб. и выше	0,556 (0,098)**	1,744	0,372 (0,109)**	1,451	0,166 (0,097)	1,181	0,381 (0,089)**	1,464

Участие в НКО	2,003 (,095)**	7,409	1,631 (0,109)**	5,111	2,031 (0,093)**	7,620	2,051 (0,089)**	7,776
Не участвовали в НКО								
Участвовали в НКО								
Constant	-2,593 (,124)**	0,075	-3,405 (0,135)**	0,033	-2,625 (0,117)**	0,072	-2,977 (0,112)**	0,051
Объяснительная сила модели (процент случаев, в которых модель предсказывает значение зависимой переменной)	95,5		96,1		95,0		94,0	
-2Log-likelihood	8919,233		8332,132		9931,613		11213,213	

Примечание: в столбце В (S.E.) указаны регрессионные коэффициенты, в скобках – их стандартные ошибки, ** – коэффициенты значимы на уровне 0,01; * – на уровне 0,05.

Относительной закрытости НКО соответствуют *недостаток доверия* друг к другу и *слабость внутрисекторных взаимодействий*. Лишь 49% респондентов Опроса 3 за три предшествующих месяца обменивались какой бы то ни было информацией с другими НКО, причем в трети случаев это был обмен лишь с одной или двумя организациями. Естественно было бы предположить, что при столь ограниченных контактах между НКО они по крайней мере связаны взаимным доверием с теми организациями, с которыми непосредственно взаимодействуют. Однако на вопрос, можно ли доверять тем НКО, с которыми взаимодействуете, положительно ответили только 71% респондентов. В отношении же более широкого круга организаций недоверие выражено, разумеется, ярче. По мнению 42% респондентов того же опроса, не менее 30% организаций российского третьего сектора недобросовестны и допускают злоупотребления.

Эти данные стоит рассматривать не столько как надежную экспертную оценку, сколько как характеристику взаимной подозрительности, для которой, впрочем есть объективные основания. На вопрос, встречались ли им НКО, с которыми у их организации много общего, только 35% респондентов ответили “безусловно, да” и столько же “скорее, да”. При этом более половины ответивших положительно интерпретировали общность как всего лишь совпадение сфер и направлений деятельности либо круга пользователей услуг. Иными словами, это общность скорее конкурентов, чем членов сплоченного сообщества.

Таким образом, взаимоотношения внутри НКО и между ними зачастую далеки от идеала “гражданских добродетелей”. Третий сектор, выступая “ареалом” опережающей группы, сам находится в лучшем случае на полпути в “обучении демократии”. Настоятельно необходимо не только расширение охвата “обучаемых” за счет количественного роста сектора, но и его быстрое качественное совершенствование. Довольно многое в этом отношении способно сделать государство, причем в части не только ресурсной поддержки, но и улучшения институтов [Якобсон, 2012]. В то же время принципиально значимы резервы, связанные с открытостью и регулярным сетевым взаимодействием между НКО. Его более продвинутые участники способны “заражать” партнеров гражданской культурой, не говоря уже о том, что объединение усилий нередко

ослабляет остроту проблемы выживания, актуальной для многих организаций. Эффекту “заражения” особенно благоприятствует тесное сотрудничество с НКО из тех стран, где третий сектор прочно укоренен. В самом деле, приобщение НКО к внутри-секторной самоорганизации – в определенном смысле аналог приобщения индивида к деятельности НКО. Чем быстрее будет идти первый процесс, тем, при прочих равных условиях, результативнее окажется второй.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Внук-Липинский Э.* Социология публичной жизни. М., 2012.
- Горшков М.К., Тихонова Н.Е.* Социокультурные факторы консолидации российского общества. М., 2013.
- Зубаревич Н.В.* Социальная дифференциация регионов и городов // *Pro et Contra*. 2012. № 4–5.
- Касамара В.А., Сорокина А.А.* Постсоветская ностальгия в повседневном дискурсе россиян // *Общественные науки и современность*. 2011. № 6.
- Магун В., Руднев М.* Базовые ценности россиян в европейском контексте. Статья 1 // *Общественные науки и современность*. 2010^a. № 3.
- Магун В., Руднев М.* Базовые ценности россиян в европейском контексте. Статья 2 // *Общественные науки и современность*. 2010^b. № 4.
- Майерс Д.* Социальная психология. СПб., 2013.
- Мерсиянова И.В.* Социальная база российского гражданского общества // *Общественные науки и современность*. 2009. № 4.
- Мерсиянова И.В., Корнеева И.Е.* Вовлеченность населения в неформальные практики гражданского общества и деятельность НКО: региональное измерение. М., 2011.
- Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала. М., 1996.
- Пивоваров Ю.С.* Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М., 2006.
- Путин В.В.* Демократия и качество государства // *Коммерсантъ*. 2012. 6 февраля.
- Струве П.Б.* Интеллигенция и революция // *Вехи. Из глубины*. М., 1991^a.
- Струве П.Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи // *Вехи. Из глубины*. М., 1991^b.
- Тихонова Н.Е.* Особенности “русских модернистов” и перспективы культурной динамики России. Статья 1 // *Общественные науки и современность*. 2012^a. № 2.
- Тихонова Н.Е.* Особенности “русских модернистов” и перспективы культурной динамики России. Статья 2 // *Общественные науки и современность*. 2012^b. № 3.
- Токвиль А. де.* Демократия в Америке. М., 2000.
- Урнов М.Ю.* Роль культуры в демократическом транзите // *Общественные науки и современность*. 2011. № 6.
- Урнов М.Ю.* Что есть справедливость? Попытка анализа массовых представлений // *Общественные науки и современность*. 2012. № 5.
- Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством. М., 2008.
- Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.
- Якобсон Л.И.* Экономический образ мысли и законодательство о некоммерческих организациях // *Вопросы экономики*. 2012. № 8.
- Ясин Е.Г.* Приживется ли демократия в России. М., 2012.
- Ясин Е.Г., Акиндинова Н.В., Якобсон Л.И., Яковлев А.А.* Состоится ли новая модель экономического роста в России? М., 2013.
- Armony A.C.* The Dubious Link: Civic Engagement and Democratization. Stanford, 2004.
- Dahl R.* On Democracy. New Haven, 2000.
- Dekker P.* Civicness: from Civil Society to Civic Services? // *Voluntas*. 2009. Vol. 20.
- Evers A.* Civicness and Civility: their Meanings for Social Services // *Voluntas*. 2009. Vol. 20.
- Huber E., Rueschemeyer D., Stephens J.D.* The Impact of Economic Development on Democracy // *Journal of Economic Perspective*. 1993. Vol. 7. № 3.
- Green S.* Freedom // *20 Years Without the Berlin Wall: a Breakthrough to Freedom*. Moscow, 2011.
- Holmes S., Sunstein C. R.* The Cost of Rights. New York, 1999.
- McFaul M.* The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship // *McFaul M., Stoner-Weiss K.* After the Collapse of Communism: Comparative Lessons of Transition. Cambridge, 2004.

Morales L. Associational Membership and Social Capital in Comparative Perspective: a Note on the Problems of Measurement // *Politics and Society*. 2002. Vol. 30. № 3.

Przeworski A. Minimalist Conception of Democracy: a Defense // *Democracy's Value*. New York–Cambridge, 1999.

Przeworski A., Alvarez M.E., Cheibub J.A., Limongi F. Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990. Cambridge, 2010.

Roberts A. The Quality of Democracy in Eastern Europe: Public Preference and Policy Reforms. Cambridge, 2010.

Rose-Ackerman S. From Elections to Democracy: Building Accountable Government in Hungary and Poland. Cambridge, 2005.

Stolle D. The Sources of Social Capital // *Generating Social Capital: Civil Society and Institutions in Comparative Perspective*. New York, 2003.

Tusalem R.F. A Boon or a Bane? The Role of Civil Society in Third- and Fourth-Wave Democracies // *International Political Science Review*. 2007. Vol. 28. № 3.

Uhlin A. Which Characteristics of Civil Society Organizations Support What Aspects of Democracy? Evidence from Post-Communist Latvia // *International Political Science Review*. 2009. Vol. 30. № 3.

Van Ingen E., Kalmijn M. Does Voluntary Association Participation Boost Social Resources? // *Social Science Quarterly*. 2010. Vol. 91. № 2.

Vazquez-Garcia R. Making Volunteering Work: the Power of Voluntary Organizations to Enhance Civic Skills. Some Evidences from the European Social Survey // *Comparative Social Research*. 2009. Vol. 26.

Warren M.E. Civil Society and Democracy // *The Oxford Handbook of Civil Society*. Oxford, 2011.

© Л. Якобсон, 2014